

«Коррупция»- одно из самых популярных слов, употребляемых в рамках различных дискурсивных полей на протяжении последних десяти лет. По результатам многочисленных исследований и опросов, проблема коррупции стабильно входит в Топ-5 наиболее важных проблем страны, угрожающих личному и общественному благополучию. На сегодняшний день в России коррупция приобрела характер политической идеологемы, что получило отражение в антикоррупционной риторике политической элиты, провозгласившей борьбу с коррупцией в качестве одной из своих основных задач по реформированию общества. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления президента РФ Д. Медведева и главы правительства В.В. Путина и подтверждается практикой принятия соответствующих нормативно-правовых актов (№40-ФЗ «О ратификации конвенции ООН против коррупции от 8.03.2006 г.; №273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г.; №172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 г.; №329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» от 21 ноября 2011 г.). Указами Президента РФ обязали чиновников и членов их семей подавать декларации о своих доходах с 2010 года, а с 2012 года – и расходы), подписан Национальный план противодействия коррупции (31.07.2008 г.; 13.04.2010 г.; 13.03.2012 г.). Однако 54% населения, как свидетельствуют исследования ВЦИОМ, по-прежнему оправдывают тех, кто дает взятки и почти столько же тех, кто их берет. Дуалистическое отношение жителей России к коррупции – моралистическое осуждение чиновников, использующих должностные позиции в личных целях и признание за собой права на использование при необходимости коррупционных практик, подтверждается и региональными исследованиями [1]. Однако не «фактичность обсуждений» проблемы коррупции, а предметность, равно как и контекстность упоминания данного коннотата в публичных местах: на митингах, в кафе, на афишах по городу, транспорте является значимым аспектом понимания общей картины мироощущения в обществе. Социальные проблемы в соответствии с конструкционистской интерпретацией не существуют независимо от нас, они по своей природе рефлексивны и являются результатом коллективного определения. И от того, каким образом определяется проблема коррупции, будет в значительной степени зависеть выбор стратегии общества в целом по отношению к данной проблеме: легитимация конструкционистских практик посредством признания их как неизбежного зла или же активное противодействие. При определении социальных проблем авторы статьи опираются на методологический подход С. Спектора и Дж. Китсьюза, трактующих их как риторику. Социальные проблемы, с данной точки зрения,- это конструкции, создаваемые индивидами или группами посредством выдвижения утверждений-требований. Среди множества

потенциально опасных для общества ситуаций лишь часть из них актуализируются, вызывают общественную обеспокоенность, получают статус «социальной проблемы», побуждают к действиям государство и политиков [2]. Формами конструирования социальных проблем являются, согласно Спектору и Китсьюзу, ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследованиях общественного мнения, обращения с жалобами и письмами протеста, предъявление судебных исков, выступления в парламенте, проведение пресс-конференций, распространение «проблематизирующих» сообщений средствами массовой коммуникации, проведение митингов, пикетов, демонстраций, маршей протеста, забастовок [3, с. 257]. Особая роль в конструировании социальной реальности отводится языку. Как утверждают П. Бергер и Т. Лукман «общие объективации повседневной жизни поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений. Кроме того, повседневная жизнь- это жизнь, которую я разделяю с другими посредством языка. Понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни» [4, с. 65]. Существенно дополняет объяснение роли языка в конструировании на индивидуальном и социальном уровне семиологический подход Ф. Соссюра, согласно которому «язык есть система знаков, выражающих понятия, а, следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п. ...Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ, а индивиды в процессе разговора не имеют возможности определять используемые ими знаки, поскольку эти знаки зафиксированы обществом в очень строгих границах» [5, с. 99-100]. А учитывая, что денотат «коррупция» превратился в коннотат, то есть сухая логическая информация приобрела символическое содержание, а большинство жизненных ситуаций у нас резюмируются фразой «понятно, везде коррупция», то можно говорить о его «прорыве» в сферу повседневности. Ведь повседневность существует как место образования смысла, оценки (символической переработки), конструирования правил. Изначально коррупция, как проблема российского общества была определена публичными заявлениями политиков и экономистов, транслированными через средства массовой информации. Весной 1996 года президентом Б. Ельциным борьба с коррупцией и организованной преступностью была названа «третьей по очередности, но одной из важнейших задач [6]. Но, как и в 1996 году, так и сегодня в процессе формирования «повестки дня» главную роль играют властные элиты, которые делают актуальными определенные социальные восприятия и представления, навязывая свои интерпретации остальной части общества. Однако, развитие и широкое распространение Интернета «перехватывает» это право у властных элит в пользу общественности. Сегодня Интернет перестает быть чисто технической профессиональной сферой, он скорее становится неотъемлемой

частью культуры общества. И в связи с интенсивным внедрением в жизнь общества Интернета формируется особый вид дискурса – Интернет-дискурс, обладающий собственным онтологическим статусом, не уступающим статусу того, что принято называть «реальной жизнью». Под Интернет-дискурсом в рамках данной статьи мы будем рассматривать, прежде всего, акт коммуникации в пространстве Интернет. Наше исследование было основано на использовании качественного анализа текстов нарративного характера (записей в блогах, переписки на форумах, «свободных» комментариев к статьям и фотографиям, стихов, анекдотов, карикатур и т.п.), а также анализа дискурсов-данных, полученных с использованием метода «смол-токов», направленного на анализ «поверхностной» социальной коммуникации, непредметных реплик монологического и диалогового характера, отражающих структуру и содержание актуального социального дискурса. Дискурсивный подход позволит дополнить картину восприятия коррупции как общественного явления и предлагает нам «трактовать дискурсы как практику, которая систематически формирует объекты, о которых они говорят» [7, с. 49-50]. Дискурс формирует социальный мир с помощью значений, непостоянных из-за нестабильности языка, а вся социальная практика является полностью дискурсивной [8, с. 53]. Проведенное нами исследование, основанное на вышеперечисленных методах, дало основание для заключения, что фокусирование на видимой поверхности общества (повседневности) позволяет исследователю увидеть явление коррупции совершенно в ином свете, что приводит к не тривиальным выводам, разрушающим укоренившиеся в массовом и научном сознании привычные стереотипы и представления о коррупции: «Повседневная жизнь предстает как арена, где социальное существование наилучшим образом проявляет себя как наиболее плодородная «стратегическая исследовательская площадка» социологии. И необычайно богатое визуальное, внешне наблюдаемое лицо повседневной жизни представляет некий стратегический исследовательский ресурс анализа и объяснения повседневной жизни – отсюда мы раскрываем секреты социального существования» [9]. Таким образом, необходимо выйти за рамки доминирующего в сегодняшних исследованиях коррупции макросоциологического подхода, абсолютизирующего трактовки ее как объективного феномена, и использовать возможности микросоциологического анализа, акцентирующего роль индивидуального в социальном, ориентирующего на изучение ее как повседневной практики. Это позволит нам понять, что коррупция – это социально-психологическая конструкция, результат социального конструирования реальности. Как и любой социальный конструкт, она существует исключительно в силу того, что люди считают данное явление реальным и широко распространенным, а в силу этого коррупционные практики воздействуют на конструирование правил их жизнедеятельности. Это не просто коррупция, а «коРРупция», которая стала практически неотъемлемой частью

повседневной коммуникации, интерпретативной схемой и наиболее поддерживаемой в рамках любой социальной группы в ответ на вопрос о своих неудачах. Сегодня «коррупцией» объясняется все подряд, начиная от проблем, реально связанных с политической, финансово-экономической нестабильностью, социальным неравенством, и заканчивая ситуациями, не имеющими к этим сферам никакого отношения. В качестве примера можно привести записи из блогов: «...наш инвестклимат все еще не очень дружелюбный: бюрократия, коррупция, плохие таможенные процедуры...» «...орнитологи зафиксировали изменение привычных маршрутов серых гусей, видимо таможенники и до них добрались. Держитесь птички, -коррупция!...». Легитимации «коррупции» в повседневности служат и эрративизмы (коРРупция, КОРРупция, КОРРупсия), и неологизмы (коррупздец), и эмоциональные эпитеты (удушающая, злостная, гигантская), которые являются результатом и одновременно катализатором включения ее в мир повседневной жизни большинства людей. Коррупция становится героиней анекдотов (Вопрос армянскому радио: Как российское правительство может покончить с коррупцией? – с помощью суицида) и шуток (красивое слово «коррупция» было придумано для того, чтобы не оскорблять чувства чиновников, называя их ворами; если госучреждение не поражено коррупцией, значит, оно никому не нужно!), ей посвящают стихи и проводятся митинги «против коррупции». А читая записи нарративного характера, мы можем встретить следующие выражения: «коррупция – мать порядка», «коррупция – доить с утра до вечера», «коррупция-спрут», «коррупция – чума нашего времени». То есть через процесс антропоморфизации и анимализации явления «коррупция» можно проследить не просто процесс включения ее в мир повседневности, но и развитие отношений с ней. Также на фотографиях демотиваторов, в карикатурных изображениях коррупция часто представляется в виде человека, существа, похожего на человека или животного[1].

Рис. 1 - Образ коррупции
Рис. 2 - Карикатура на борьбу с коррупцией

Таким образом, понятие «коррупция» стало своего рода эвристической моделью, навязывающей миру и происходящим в нем событиям определенный «диагноз». Справедливо возникает вопрос, чем же «лечить» или «что делать?», содержание ответа на который столь же значим для конструирования личностной идентичности и выбора ролей поведения. Наиболее популярный ответ оказался более чем предсказуем: 78 опрошенных из 100, методом онлайн-опроса на сайте www.facebook.com (случайной нерепрезентативной выборки), ответили, что «коррупция» побеждается «антикоррупцией», при том что подавляющее большинство основным субъектом преодоления реальной коррупции, т.е. «антикоррупции» считает государство, но так как эти меры не могут уничтожить коррупцию, то и «антикоррупция» воспринимается продолжением «коррупции». Эта точка зрения наглядно проиллюстрирована результатами проведенного ФОМом опроса о работе министерств и правительства в 2011 году: в оценках

работы российского правительства наши сограждане к неудачам причисляют экономические проблемы, социальные проблемы, низкие зарплаты (пенсии, снижение уровня жизни) и коррупция («большое взяточничество», «не удастся борьба с коррупцией», «не хотят бороться с коррупцией», «коррупция непобедима») [10]. Мы выявили следующие варианты символического значения «антикоррупции». Первый вариант «антикоррупции» является иронический – поиск позитивных оснований «коррупции», которые можно извлечь от «нечистых на руку чиновников», от существующих лакун в российском законодательстве, системе государственного и муниципального управления. В качестве примера можно привести записи из блогов: «Маньяк опрыскал деньги ядом и пожертвовал их детскому дому. Погибло двадцать депутатов, два мэра и один министр. Дети не пострадали.» «Э. Набиуллина: Приватизация госимущества принесет 1 трл. руб. в год. Медведев: Коррупция при госзаказе лишает страну триллиона рублей ежегодно» «Если госучреждение не поражено коррупцией – значит, оно никому не нужно!» «Для победы на президентских выборах Путин приступил к активной борьбе с коррупцией в своем ближайшем окружении. Вчера в ближайшее окружение Путина были доставлены гаишник Сидоров из Усть-Пупенска и воспитательница детского сада Петрова из Больших Комаров» «Это ж какую взятку надо дать, чтобы возглавить комитет по борьбе с коррупцией». Второй вариант – позитивное отношение к «коррупции» или позитивное отношение с «коррупцией», ведь с помощью коррупции многие публичные услуги становятся доступными. В качестве примера могут выступить «смайлики» J или знак улыбки) – знак одобрения, позитивного отношения или же употребление слова «коррупция» в связке со словами с позитивной коннотацией. «...так это же мать коррупция J » « коррупцию на верху победить невозможно, так лучше следовать правилу: дал взятку – и решил вопрос...» «В России коррупция как ни странно- это один из необходимых элементов работы огромной и косной государственной машины, своего рода смазка, между благопожеланиями верховного начальства и простого люда так что надо дружить с этой системой» «Коррупция существенно облегчает жизнь, хочешь – учись, не хочешь – плати! Все нормально короче. Сам в институте еще не давал взятку, платил только за дополнительные занятия- ну вы сами понимаете, что это просто другой способ. Зато у меня с учебой нет проблем» «...С прошлой сессии «торчал» один жесткий экзамен...Препод: «Решить этот вопрос можно 3 принтерами для нашей кафедры. Но вы можете дать денег, и я могу их купить сам». Да, расценки на мзду слишком выросли... А препод ответил: «Следуем правилу «2Д»: за мою доброту и за вашу дурость стоит заплатить» «...Власть имитирует борьбу с коррупцией, открывая уголовные дела против своих оппонентов, что облегчает жизнь, теперь я спокойно могу убрать конкурента...» «...без коррупции как без любви мы никуда, только благодаря ей можно что-то сделать, куда-то поступить, кого-то отмазать...». Надо добавить, что

«антикоррупция» проигрывает «коррупции», это легко проиллюстрировать на примере блогов, обратившись к так называемому «Пульсу блогосферы» [13], отображающему частоту упоминания слова в блогах по запросам «коррупция», «борьба с коррупцией», «борьба против коррупции», «антикоррупционный». Рис. 3 - Пульс блогосферы 1 – коррупция, 2 – борьба с коррупцией, 3 – борьба против коррупции, 4 – антикоррупционный. Надо заметить, что благодаря блогам, за последние годы многие вопиющие факты коррупции стали известны широкой общественности. Вклад блогеров в борьбу с коррупцией признал сам Президент России Д.А. Медведев: «Считаю важной информационную работу блогеров по созданию в Российской Федерации атмосферы нетерпимости коррупции» [11]. Основываясь на проведенном нами анализе, можно сделать вывод, что «коррупция» как когнитивная схема развивается в иной плоскости, нежели реальная социально-экономическая, политическая проблема коррупции. Коррупция как социальный конструкт формируется не на основе рефлексии реально происходящих социальных процессов, а на базе постоянной ретрансляции текстов и культурных кодов. Однако маскировка проблемы не отрицает ее наличия. Тем более, что актуализация проблемы коррупции происходит, как правило, в весьма непростых социально-экономических и политических ситуациях и влияет на тенденции взаимодействия государства и общества. Коррупция стала метафорой разрушения социального мира, воплощением всех бед – и нынешних, и грядущих, что поспособствовало легитимации социальной инертности. С помощью «коррупции» объясняются все неудачи, которые происходят как личного характера, так и в стране в целом. При том, что готовность использовать данную интерпретативную схему, освоение ее традиций и норм является результатом стремления «закрыть глаза» на реально существующие в обществе процессы и подтверждает характеристики пассивности «русской ментальности» [12, с. 14].